

3. Сухой Док.

Мировое Вымарывание

Генрих Али Баба

Генрих Али Баба

**3. Сухой Док. Мировое
Вымарывание**

«Автор»

2026

Али Баба Г.

3. Сухой Док. Мировое Вымарывание / Г. Али Баба — «Автор», 2026

В мире, пережившем Великое Вымарывание, океаны превратились в белые соляные пустыни, а капля чистой воды стала ценнее человеческой жизни. Всю имеющуюся влагу и слезы контролирует тоталитарное Министерство Белого Осадки, стирающее память и превращающее людей в послушный, иссушенный ресурс. Слепой проводник Дан и бывшая сотрудница Министерства Эн, потерявшая воспоминания, отправляются в смертельно опасное путешествие на гигантском сухопутном крейсере «Левиафан». Преследуемые карателями, они ищут путь к последнему легендарному резервуару планетной жизни. Это история о восстании рабочих Сухого Дока, о силе поэзии, способной защитить разум от химического угасания, и о неизбежном возвращении живой воды на обескровленную землю.

© Али Баба Г., 2026

© Автор, 2026

Генрих Али Баба

3. Сухой Док. Мировое Вымарывание

Глава 1

Дан был почти слеп. Синдром Выжженной Роговицы, ставший проклятием последнего поколения обитателей высохших впадин, превратил его зрение в размытое, болезненное марево цвета палёной соляной корки, из года в год стирая последние остатки четкости, оставшиеся от юности. Дневной свет резал глаза даже сквозь плотные, затертые оргстекла защитных очков, вызывая тупую, пульсирующую боль в висках, от которой не спасали ни тень кабины, ни опущенные веки. Но Дан вел тяжелый пустынный крейсер по дну бывшей Бенгальской впадины не глазами.

Он чувствовал мир всем своим телом, привычно растворяясь в гуле огромной машины, будто становился ее продолжением, ее нервной системой. Потрескавшиеся пальцы, сжавшие шершавый стальной рычаг гидроусилителя, ощущали каждый скрежет и вибрацию многотонных катков. Под тонкой подошвой старых изношенных ботинок дрожала полка кабины, передавая сухую, надрывную работу многоцилиндрового дизельного блока, надрывавшегося в раскаленном отсеке за спиной, будто задыхающееся живое существо. Под многослойной броней эсминца с хрустом и треском рушилась омертвевшая солончаковая порода — веками слеживавшаяся смесь сухой соли, окаменевшего ила и костей давно вымерших морских тварей, чей прах теперь служил дорогой для машин.

Воздух внутри рубки был раскаленным и тяжелым, напитанным чадом выгоревшего солярового масла, нагретого металла и въедливой, повсеместной пыли, оседавшей на языке горьковатым, почти минеральным привкусом. В горле постоянно саднило, а губы давно покрылись глубокими, кровоточащими трещинами, которые приходилось запечатывать техническим парафином — процедура, которую Дан проделывал уже машинально, не задумываясь. В этом выжженном мире любая открытая влага превращалась в смертельную ошибку, и с этим знанием Дан жил столько, сколько себя помнил.

Крейсер медленно пробирался сквозь мертвый ландшафт. За бортом, в белом мареве, тянулись бесконечные титанические тени: покосившиеся, разъеденные коррозией остовы древних нефтедобывающих платформ, полузасыпанные солью руины подводных кабельных станций и гигантские, словно скелеты ископаемых ящеров, ржавые корпуса затонувших контейнеровозов. Всё это когда-то покоилось под километровой толщей океана, а теперь гнило на палящем солнце, превратившись в памятники погибшей цивилизации, мимо которых Дан проезжал столько раз, что давно перестал вглядываться в их размытые контуры.

Неожиданно Дан замер, сжав рычаги управления с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Спиной, через истертую дерматиновую обивку кресла и массивные стальные балки кия, он уловил глухой, ни на что не похожий толчок. Это не был привычный треск сухой соляной корки или привычный вибрационный отклик от удара о базальтовый валун. Это был плотный, тяжелый, упругий удар, отозвавшийся глубоким низкочастотным гулом в самом корпусе машины — ощущение настолько чуждое всему, что он знал о недрах этой мертвой земли, что на мгновение ему показалось, будто собственное тело его обмануло.

Плеск.

Дан затаил дыхание, боясь спугнуть это ощущение. На мгновение ему показалось, что выжженные нервы сыграли с ним злую шутку, но чуткий слух и телесная память пустынного проводника не могли ошибаться. Глубоко под стальными катками, под километрами спекшейся, мертвой соляной породы и базальтового основания, перемещалась жидкость. Она была живой, тяжелой, несожженной — плотный подземный поток, пробивающий себе дорогу в

каменистых недрах, будто планета все еще хранила в себе то, что давно считалось уничтоженным.

Дан медленно перевел селектор передач в нейтральный, и тяжелый крейсер, тяжело вздохнув пневматикой тормозов, замер посреди ослепительно белой пустыни. Дизель продолжал ровно глушить окрестности низким глухим рыком, но Дан уже не слышал его. Он накренился вперед, прижал ладонь к обнаженному шпангоуту на стене кабины и закрыл глаза. Из глубины планетной коры снова донесся едва уловимый, но отчетливый отклик — мерный, пульсирующий ритм, напоминающий сердцебиение плененного гиганта, и Дан застыл так надолго, что дизель за спиной успел сбавить обороты, будто и сама машина затаила дыхание вместе с ним.

Глава 2

В «Сухом Доке №01» — гигантском, задыхающемся мегаполисе, возведенном прямо в ржавых, разъеденных солью доках бывшей военно-морской базы, — день всегда начинался с хрипа. Из ржавых раструбов эхолотов и репродукторов, закрепившихся на высотных металлических эстакадах, раздавался сухой, резкий металлический треск. Этот звук ввинчивался в уши, заглушая визг стальных колес вагонеток и гул вентиляционных шахт, и каждое утро люди вздрагивали от него одинаково, сколько бы лет они здесь ни прожили.

— Внимание гражданам! — раскатывался над ярусами жесткий, обезличенный голос. — Министерство Белого Осадка вводит Постановление №404. Вводится обязательная инвентаризация физиологических потерь. Слёзы, пот, конденсат дыхания и выделительные жидкости подлежат сдаче в регенератор. Незарегистрированная влага квалифицируется как хищение ресурсов Государства.

Воздух в Нижнем Доке был пропитан запахом едкой извести, раскаленного железа и сухой пыли, от которой пересыхало в горле с первого же вдоха, будто легкие сами превращались в подобие тех же соляных корок, что покрывали окрестную пустыню. Люди, передвигавшиеся по сетчатым стальным переходам, напоминали тени: истощенные, с серыми, высушенными лицами, скрытыми под тяжелыми дыхательными масками-конденсаторами. На поясе у каждого висел опечатанный прозрачный мерник — инвентарный счетчик личной влаги. За некомплект капель грозила немедленная утилизация, и об этом напоминал каждый взгляд, брошенный украдкой на собственный счетчик.

Дан стоял в тени массивной опоры кран-балки, надвинув на глаза защитные очки с мутными линзами. Его кожа до сих пор хранила ощущение того подземного плеска, который он слышал во впадине, — странное, почти телесное послевкусие, будто в него самого просочилась капля того далекого моря, — но реальность «Сухого Дока» быстро возвращала к жестокой действительности.

Внезапно толпа на центральном ярусе качнулась и замерла. В узкий проход между бараками вышли патрульные Службы Осадка — фигуры в тяжелых прорезиненных комбинезонах и глухих шлемах с темными забралами. На груди каждого патрульного глухо урчал портативный вакуумный компрессор, тихо, но неотступно, как хищник, готовый к прыжку.

— Нецелевой расход! — рявкнул старший патрульный, указывая стеклянным жезлом в угол.

За кучей ржавых труб сжалась молодая женщина. В руках она судорожно сжимала высохшую тканевую куклу. Из её воспаленных, покрасневших глаз выкатились две чистые, прозрачные капли. В этом мире слезы были редчайшим преступлением — безудержной роскошью, которую власть карала беспощадно, и толпа вокруг непроизвольно расступилась, будто боясь, что чужое преступление окажется заразным.

Дан видел, как патрульные жестко зафиксировали её голову. Один из них сноровисто достал из подсумка гибкий прозрачный зонд с вакуумным наконечником. С сухим присосом

они сняли с её щек драгоценные капли слез, тут же слив их в миниатюрную стеклянную пробирку. Патрульный аккуратно щелкнул крышкой, приклеил штрихкод и запечатал пробирку в инвентарный пенал — движение отработанное, будничное, как у человека, взвешивающего товар на рынке.

Женщина даже не кричала — у неё просто не осталось сил. Лишь её грудь судорожно вздымалась, выталкивая сухой, сиплый воздух.

— Физиологический хищник. Идентификатор 88-Д, — механически произнес патрульный, навешивая на её шею тяжелый металлический жетон с оранжевой надписью «Нецелевой расход». — Направить в сектор «Б» на химическую сушку.

Её потащили по железным ступеням. Ее ноги волочились по ржавому настилу, оставляя глухой, печальный звон. В «Сухом Доке» не было тюрем или виселиц. Неудобных отправили в регенерационные автоклавы, чтобы выпарить из их тел последние проценты органической воды, превратив останки в сухой строительный порошок.

Дан сжал кулаки в карманах потертой куртки. В этом мире человек больше не имел права на влагу. Каждая капля пота, каждая слеза и каждый выдох принадлежали Государству. И если под соляной корой действительно жило море, то время этого мегаполиса стремительно истекло — эта мысль впервые засела в нем так глубоко, что он не смог отогнать ее до самого вечера.

Глава 3

Эн ждала его за ржавой, изъеденной коррозией лопастью винта сухогруза, навечно застрявшего в песчаном наносе у подножия Третьего Яруса. В этом глухом тупике, куда почти не долетал свет прожекторов Канцелярии, воздух был холодным и застойным, будто время здесь остановилось вместе с ржавеющим кораблем. От девушки пахло химическими реактивами, аптечным кобальтом, въедливой соляной пылью и чем-то едва уловимым — высушенными травами из старых метеорологических гербариев, запахом настолько чуждым обычному быту доков, что Дан насторожился еще до того, как она произнесла первое слово.

Она стояла, прижавшись спиной к разъеденной стальной обшивке, с трудом удерживая равновесие. Её лицо казалось высеченным из сухой глины, а глаза — стеклянными, лишенными привычного человеческого блеска. В них застыло странное, отрешенное выражение человека, прошедшего через процедуру стирания личности, но не сломленного до конца — Дан узнал этот взгляд, слишком часто видел его у тех, кого возвращали из лабораторий Министерства.

— Ты Дан? «Проводник?» — спросила она. Её голос прозвучал тихо, со скрежетом, словно сухие сучья переламывались на морозе.

— Да, — коротко ответил Дан, не снимая защитных очков, но чутко ловя каждое ее движение, каждый шорох ее одежды.

Она не стала тратить время на лишние слова. Из глубокого внутреннего кармана своего потертого брезентового плаща Эн извлекла плоский сверток, перевязанный сухой бечевкой. Пальцы ее дрожали, но движения оставались точными, отработанными, как у человека, привыкшего десятилетиями иметь дело с хрупкими документами. Она аккуратно развернула ветوشь и протянула ему истлевший, пожелтевший от времени бумажный лист — редчайший, запрещенный документ из закрытых архивов Министерства.

— Меня зовут Эн, — произнесла она, заставив себя встретиться с ним взглядом, хотя это явно стоило ей усилий. — Я работала в Третьем Отделе Министерства Белого Осадка. Из меня пытались выжечь память нейролептиком «Вита», но они опоздали. Препарат не уничтожил всё. Я помню числа. Я помню геодезические координаты. В документе написано: «Океан существует».

Дан медленно протянул руку и прикоснулся подушечками пальцев к шероховатой, сухой бумаге. Чувствительная кожа уловила едва заметный рельеф старой типографской печати — графики, таблицы плотности, штампы с грифом «Глубокая очистка». Сухой воздух под навесом едва слышно поскрипывал, будто сама конструкция сухогруза вслушивалась в их разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.